

RU

Предметный мир в российской массовой прозе второй половины XVIII в. (Михаил Чулков, Матвей Комаров)

Пучкова А. Е.

Аннотация. Цель исследования – путем типологизации предметных деталей в российских образцах плутовского романа 1770-х годов, с учетом их значения в оформлении картины мира, кругозора персонажей, а также возможностей обращения к их внутреннему, душевному состоянию, обусловленному внешними обстоятельствами, реконструировать антропологическую концепцию жанра. В статье рассмотрены предметные бытовые детали в романах М. Д. Чулкова «Пригожая повариха» и М. Комарова «Ванька Каин»; в рамках базовой жанровой модели плутовского романа выявлены принципы построения предметно-бытового уровня в тексте, показано его значение для развертывания сюжета и оформления образов персонажей. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые представлена концепция человека в российском плутовском романе 1770-х годов, раскрывающаяся в системе изображения предметного мира, предложена типология предметно-бытовых деталей, от наиболее структурно простого уровня номинации до целостного детального описания, насыщенного эмоциональным содержанием и характеризующего внутреннее состояние героев. В результате исследования установлено, что предметные детали в плутовском романе второй трети XVIII века представляли собой динамично развивающуюся область авторского постижения культуры повседневности и оформления стратегии диалога с читателем, способным узнать в деталях бытового фона жизненную подоснову романного повествования, что способствовало росту популярности, а впоследствии, в конце XVIII столетия, – и теоретическому признанию романного жанра и его изобразительных возможностей.

EN

The material world in Russian popular prose of the second half of the 18th century (Mikhail Chulkov, Matvey Komarov)

A. E. Puchkova

Abstract. The aim of the study is to reconstruct the anthropological concept of the genre by typologizing the object details in Russian examples of the picaresque novel of the 1770s, taking into account their significance in shaping the characters' worldview, outlook, and the possibilities of addressing their inner, mental state, conditioned by external circumstances. The article examines the object-everyday details in the novels "The Comely Cook" by M. D. Chulkov and "Vanka Kain" by M. Komarov. Within the framework of the basic genre model of the picaresque novel, the principles of constructing the object-everyday level in the text are revealed, its significance for the unfolding of the plot and the formation of character images is shown. The study is original in that it is the first one to present the concept of man in the Russian picaresque novel of the 1770s, which is revealed in the system of depicting the object world. A typology of object-everyday details is proposed, from the most structurally simple level of naming to a holistic detailed description, saturated with emotional content and characterizing the inner state of the characters. As a result of the study, it was established that the object details in the picaresque novel of the second third of the 18th century represented a dynamically developing area of the author's comprehension of the culture of everyday life and the design of a strategy of dialogue with the reader who could recognize in the details of the everyday background the vital basis of the novel narrative. This contributed to the growth of popularity, and subsequently, at the end of the 18th century, theoretical recognition of the novel genre and its expressive possibilities.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью восполнить лакуну в научных представлениях о специфике антропологической системы романного жанра, стихийно складывавшейся на ранних этапах его оформления – в рамках развития российской массовой литературы XVIII века. Обращение к этой

проблеме позволяет уточнить многие аспекты оформления авторских творческих принципов, особенности картины мира, характерной для различных литературных направлений. Своеобразная поэтика предметности при этом может оцениваться как один из определяющих принципов художественного мировидения, причем такие аспекты, как обобщенность или детализация, пластическая представимость или умозрительная отвлеченность, документальная фиксация или же эмоциональная насыщенность изображения «вещи», «предмета», бытовой (и не только бытовой) «детали», определяют направленность аналитического рассмотрения и в конечном итоге позволяют описать своеобразные «контуры» предметного уровня в той картине мира, которая оформляется как в индивидуальной художественной системе, так и в рамках более или менее цельной жанровой традиции или литературного направления.

Однако интерес к изучению предметного мира литературы, как правило, сосредоточен на отдельных произведениях и творческих индивидуальностях, относящихся к этапу индивидуально-творческого художественного сознания, т. е. к литературе XIX–XX вв. и современности (Топоров, 1985). Литература более ранних стадий развития, тем более литература массовая, не рассматривалась в указанном аспекте, вероятно, именно в силу недостаточной индивидуализации оформляемой в ее рамках картины мира (которая для нормативно-традиционалистского художественного сознания определяется неким «заданием», в первую очередь жанровым).

Материалом исследования стали наиболее динамичные, изменчивые и жанрово «зыбкие» литературные образцы, принадлежащие к сфере массовой литературы – романы М. Д. Чулкова «Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины» (1772) и М. Комарова «Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина...» (1775). Предметно-бытовые детали появляются в них в значительном объеме, начиная играть важную роль в развертывании сюжета, оформлении картины мира, кругозора персонажей, они дают возможность обращения к внутреннему состоянию персонажей, обусловленному внешними обстоятельствами. Именно поэтому для выстраивания концепции человека в авантюрном романе оказывается возможным проследить ее реализацию в рамках оформления специфического «предметного мира», узнаваемого для современников и в значительной мере способствовавшего успеху произведений у читателей.

Для реализации целей исследования было необходимо решить следующие задачи:

- определить границы того явления, которое в рамках подобных романских текстов относится к сфере предметности;
- выработать типологию авторских обращений к изображению вещей, предметов, бытовых деталей в повествовании;
- обозначить перспективы дальнейшего развития тех тенденций, которые оформились в рамках «массового» романа второй трети XVIII века и оказались продуктивными в дальнейшем.

Теоретическую базу исследования составляют работы, связанные с характеристикой предметного мира литературы, определившие философское видение таких явлений, как «вещь», «предмет» и их значение для оформления отношений человека к миру вокруг, возможности взаимодействия в равной мере с природой и социумом, поскольку «вещь как имя – это наиболее удобный способ говорить/размышлять о Мире, Качествах, Материи, Событиях...» (Подорога 2016, с. 23). Для характеристики «предметного мира» отдельного литературного произведения, автора, жанра принципиальны идеи В. Н. Топорова (1985) и А. П. Чудакова (1986), связанные с потенциалом «предмета» в литературе как категории исторической поэтики. В свою очередь, место в исторической поэтике жанрового подвида авантюрного романа как одного из важнейших в массовой литературе, раскрытое в трудах Т. Е. Автухович (2017), В. Д. Рака (2019), М. Б. Плюхановой (1983), О. Ю. Осьмухиной (2023), Н. И. Николаева (2012), Ю. Штридтера (2015), О. Н. Фокиной (2008), Е. Е. Приказчиковой (2022), Н. А. Махмудовой (2019), позволяет преодолеть пренебрежительное отношение к авантюрно-приключенческому роману и поставить вопрос о его поэтике, эстетическом своеобразии и значении в становлении отечественной словесности.

Для анализа романного материала применяются: сравнительно-типологический метод, необходимый для выявления элементов предметного описания, присутствующих в романах, типологизации и сопоставления их; историко-генетический метод в ряде случаев дает возможность выявить истоки предметного образа, учет которых необходим как для понимания авторской интенции (прежде всего, в романах М. Д. Чулкова), так и «картины мира» текста в целом; структурно-семиотический метод исследования позволил выстроить целостную систему «предметного мира» текста и реконструировать его семантический ореол, в итоге раскрывающий специфику мирозерцания персонажей.

Практическая значимость проведенного исследования определяется возможностью применять его результаты к анализу других произведений российской прозы XVIII столетия, конкретизировать представления о развитии романного жанра той поры через такие категории, как «картина мира» (жанровая и авторская), а также предметная бытовая деталь; результаты проведенных исследований позволяют также уточнить особенности становления раннего русского реализма XVIII столетия («предреализма»). Полученные результаты могут использоваться как в организации лекционных курсов по русской литературе и культуре XVIII века, так и спецкурсов и спецсеминаров схожей тематики, посвященных становлению предметного мира русской литературы, жанру романа, массовой литературе, феноменам «плутовского», «авантюрного», «уголовного» романа.

Обсуждение и результаты

Феномен массовой литературы применительно к русской словесности XVIII века имеет особое значение. По справедливому мнению Т. Е. Автухович (2017), именно сложность фиксации этого явления позволяет

исследователям наиболее наглядно зафиксировать его противоречивость, поскольку ни количественный критерий (когда «массовый» характер литературы понимается в зависимости от распространенности текста в читательской среде), ни качественный критерий (когда литература «массовая» противопоставляется некоей эталонной, «классической») в XVIII веке еще не сложились. Поэтому, обращаясь к различным формосодержательным аспектам тех произведений, которые в историко-литературном сознании прочно связались с представлением о «массовой», «низовой» словесности, исследователь получает возможность, с одной стороны, оценить изучаемый аспект, с другой же – зафиксировать более общие черты, связанные с самими представлениями о «массовом» характере исследуемых явлений.

В этой связи анализ предметного мира российских романов 1760-1770-х годов, проводимый далее на материале наиболее известных русских романов той поры, позволяет обратиться к целому ряду важных историко-литературных проблем, с ними связанных. Это и сама специфика романного жанра в массовой литературе XVIII века, и типологическая принадлежность данных текстов к определенному подвиду романной формы, и специфика повествовательной стратегии авторов, и вопрос о зарождении в этих произведениях художественных принципов т. н. «просветительского реализма» («предреализма»). Фиксируемая исследователями романа открытость этого жанра отражению самых разных явлений окружающего мира (Бахтин), его «мироподобие» на ранних стадиях развития раскрывались в своеобразной экстенсивной стратегии «захвата» множества жизненных явлений (что ярче всего проявилось в сюжетном принципе «похождений» героя, его непрочном, подвижном социальном положении и кумулятивной структуре следования событий). Эта жанровая установка, в свою очередь, сыграла важную роль в развитии возможностей художественного освоения предметного мира, также осуществлявшегося в рамках романских текстов той поры.

Русская литература XVIII века движется в направлении «открытия предметности» окружающего мира неравномерно. Возможность замечать и художественно воспроизводить детализацию окружающего человека «мира культуры» сильно зависела от общих установок художественного сознания (нормативно-традиционалистского или же индивидуально-творческого, становление которого начинается в последнюю треть века) и жанровых традиций. В нормативно-традиционалистскую эпоху сама возможность фиксации предметных образов, бытовых деталей развита слабо; изображение их постепенно становится возможным в «низких», обращенных к быту жанрах. При этом набор изображаемых предметов оставался ограниченным, а степень конкретности, пластической узнаваемости их представления в нормативно закреплённых жанрах классицизма также была незначительной.

Иначе обстояло дело в прозе, прежде всего в романах середины столетия. Не входившая в фиксированную жанровую систему классицизма романная проза той поры воспринималась как нечто маргинальное (прозаическая форма оценивалась как излишне «простая», не требующая мастерства и потому не достойная для автора, а вымысел, лежащий в основе содержательного наполнения «романов», маргинализировался тогдашней литературной мыслью как недостаточно «полезный» для читателя) (Осьмухина, 2023; Штридтер, 2015). Таким образом, романная проза как бы «выпадала» из фиксированных форм литературности – и в итоге эта свобода, в соединении с общей жанровой установкой на открытие мира в возможно большей степени, способствовали тому, что именно роман середины XVIII века стал для русской литературы сферой открытия предметного мира, широкого по охвату жизненных явлений и динамичного по способам их освоения.

Романы М. Д. Чулкова «Пригожая повариха» и М. Комарова «Ванька Каин» сближаются в исследовательских оценках прежде всего в жанровом отношении – оба они близки традиции плутовского романа (по замечанию В. Д. Рака (2019), сочинение Матвея Комарова также содержит черты уголовного и авантюрного романа), оба строятся по схеме «похождений» героя (что закреплено и в заглавиях произведений, жанровые обозначения в которых были очень распространенной формой металитературного высказывания в прозе той поры) (Дейкун, 2024). Несмотря на очевидно неравноценный уровень творческой одаренности активного литератора Михаила Чулкова и автора-самоучки, бывшего крепостного Матвея Комарова, их романы сближает отчетливое обращение к изображению низовых явлений действительности, в атмосфере которых существуют их «выпавшие» из устойчивой социальной структуры персонажи – проститутка и преступник, ставший затем сыщиком, однако не оставивший своих преступных наклонностей и занятий. И героиня романа Чулкова Мартона, и Ванька Каин ведут постоянную борьбу за жизнь и сугубо материально понимаемое благополучие; при этом они исключительно активны, находятся в центре постоянных жизненных перемен, испытывая на себе «непостоянство Фортуны». В силу этого возможности хоть немного приоткрыть внутренний мир подобного персонажа у автора не возникает, максимум изображения их переживаний – следствие возникающей временной дистанции между оценкой жизненных явлений героем, когда он является их участником, и повествователем (в том числе в случае повествования от первого лица, отделенным от событий рассказа и получающим возможность дать им оценку, по преимуществу морально-дидактическую). При этом присутствие в тексте предметных деталей не столь часто, чтобы тормозить событийную динамику описательными фрагментами, однако те из них, которые всё же выделены, позволяют по-своему индивидуализировать картину мира героя – преимущественно через модус его существования, который становится более конкретным и узнаваемым для читателя, способен вызывать любопытство как возможность познания социально экзотичных жизненных явлений.

Типологически предметные образы в рассматриваемых романах можно разделить на несколько групп.

К первой относятся самые общие упоминания вещей, окружающих персонажа и составляющих своеобразный фон для его приключений. Это предметы, напрямую связанные со сферой «деятельности» и жизненных интересов, с которой герои постоянно сталкиваются, что, в свою очередь, позволяет авторам зачастую ограничиваться обобщенными обозначениями класса предметов. В силу специфики личности персонажей

у Мартоны это подарки, полученные от любовников (наиболее частотные в романе упоминания классов для предметов подобного рода – собственно «подарки», «уборы», «имение», «пожитки»: «Я великая охотница покупать нужные вещи и безделицы, и поминутно почти прирастали в нашем доме пожитки и прибавлялось имение» (Чулков, 1971, с. 43); «Он имел больше нужды в пожитках моего любовника, нежели во мне...» (Чулков, 1971, с. 63)), у Ваньки Каина – вещи, которые он крадет, также называются «пожитками» и собственно «вещами»: «Что могли сыскать денег и всяких пожитков, – всё забрали» (Комаров, 2019, с. 40), «Вынимал из карманов платки, часы, табакерки и другие вещи» (Комаров, 2019, с. 48). К этому же ряду принадлежат многочисленные в обоих романах упоминания о деньгах, иногда с уточнением их количества, – в нечестной, хищнической жизни персонажей это очень важная подробность. И Мартона, и Ванька стремятся к деньгам, приобретают их, стремительно теряют, – всё это подтверждает на предметно-бытовом уровне те мысли о непостоянстве Фортуны, которые высказываются в авторских дидактических пояснениях.

Подобных обобщенных упоминаний классов предметов заметно больше в книге Матвея Комарова, по справедливому мнению исследователей, зачастую сбивавшейся на стилистику уголовного протокола, далекого от целей литературного описания и ценностного видения эстетических задач собственного текста, что, как будет показано далее, как раз входило в круг авторских устремлений Чулкова.

Вторая группа предметных деталей, встречающихся в обоих романах, – вещи, охарактеризованные более подробно, изображение которых конкретизировано, на них фиксируется внимание героев и повествователя. Как правило, такие обращения к предметному миру маркируют переход героя из одного состояния в другое. На первом месте по частотности в этом ряду оказываются предметы одежды, что представляется напрямую связанным со спецификой изображения героя-«плута» в российском романе той поры: его социальное положение шатко и неустойчиво, маркируется знаками, которые сами по себе более значительны и фиксированы в общественном сознании, нежели еще не раскрывшаяся до конца индивидуальность героя.

Часто переодевается в ходе своих авантур Ванька Каин: в самом начале романа, сбега от своего хозяина, он надевает на себя «несколько господского платья» (Комаров, 2019, с. 13), а чтобы скрыть это от караула – рясу священника; когда благодаря своим хитростям ему удается спастись от преследования полиции, обманутые начальники приказывают одеть его в «солдатский плащ» (Комаров, 2019, с. 28); в «Каиновой свадьбе», выделенной внутри текста романа, сами его притязания посвататься к честной благонаправленной девушке также мотивируются тем, что поступивший в сыщики Каин носит теперь иную одежду: «Носил немецкое платье, подвивал волосы и прикрывал воровскую свою голову пудрою» (Комаров, 2019, с. 54).

Если для Каина одежда главным образом определяет возможность использовать обозначенный ею статус в целях обмана, Мартона у Чулкова, постоянно переодеваясь, делает это больше из любви к нарядам. Связанный с ними более высокий статус возникает в данном случае естественно – люди вокруг сами проявляют готовность отнестись к героине иначе, когда она сменяет простое платье на нарядное, и, наоборот, потеря статуса в первую очередь влечет за собой переодевание. Мартона вынуждена поменять шелковое платье на крестьянское, когда жена любовника прогоняет ее из дома; в Москве она теряет место поварихи у секретаря, когда надела «платьице почище» (Чулков, 1971, с. 53) и жена секретаря позавидовала ее красоте; сама она говорит о себе: «Одеваться я умела, лишь только бы было, во что» (Чулков, 1971, с. 52); «Платье и почтение моего любовника делали меня великою госпожою» (Чулков, 1971, с. 54). При этом в повествовании присутствуют именно упоминания «платьев», «нарядов», «женских уборов» без конкретных обозначений, описаний и любых примет зримой детализации.

Специфическую группу предметных образов в романах составляют упоминания различных вещей в пословицах, которые довольно часто встречаются у Комарова, но еще более часто, как устойчивый авторский прием отсылки («по пословице»), в романе Чулкова. Эти пословицы функционально позволяют выстроить своеобразный оценочный, дидактический уровень в повествовании; при этом вещь, предметная деталь, выполняет в них двоякую функцию – с одной стороны, добавляет рассказу разговорный, более живой характер (вероятно, способствовавший узнаваемости дискурса для читателя), с другой же – устанавливает подобие вещи и человека, что представляет еще один уровень авторских дидактических рассуждений. В хитросплетениях непостоянства Фортуны и Ванька, и Мартона не более чем игрушки, неодушевленные предметы, которыми манипулирует судьба. Обстоятельства играют героями без учета их субъектности. Так, познакомившись с Ванькой Каином, воры с Большого Каменного моста определяют его сущность в сугубо предметных ассоциациях: «Видно, брат, что ты нашего сукна епанча (сие значило, что того же сорту человек)» (Комаров, 2019, с. 14); «Сколоченная посуда два века живет» (Комаров, 2019, с. 57) – замечание о Каиновой невесте, которую он побоями принудил выйти на него замуж. Похожую опредмечивающую человека роль играют пословицы и в книге Чулкова: «Шейде, вдова, широки рукава, было бы куда класть небыльные слова» (1971, с. 43).

Однако наиболее интересный и сложный тип включения предметных деталей в повествование практически отсутствует в романе Комарова и раскрывается в «Пригожей поварихе». Это фрагменты, в которых предметная деталь четко фиксируется, характеризуется достаточно подробно и при этом оказывает влияние как на внешний сюжет (мотивируя действия героев и создавая для них предметный фон), так и на оформление сюжета внутреннего, обуславливая саму возможность его появления – когда психологическое состояние героя начинает раскрываться во взаимодействии с элементом внешней, бытовой среды.

Первым примером такого рода становится в романе Чулкова «золотая табакерка, осыпанная алмазами» (1971, с. 44) – предметный образ, с которого начинаются изменения в судьбе Мартоны, по сути, начинается

сюжет. Несмотря на то, что как такового описания табакерки в книге нет, она играет вначале значительную роль в мотивировке происходящего, а затем и в изменениях состояния Мартоны, которое она пытается осознать, ретроспективно обращаясь к давним событиям в повествовании. Потенциальный любовник вынимает из кармана и кладет на стол табакерку, показывая сводне, которая ведет с ним беседу, что он богат и может быть выгодным содержателем для Мартоны. Старуха бежит к ней и при этом говорит о табакерке; табакерку видит и сама Мартона, понимая ее как условие происходящего торга. Получив ее в подарок, она впадает в истинный восторг: «Не столько радовалась Венера данному ей яблоку, сколько любовалась я подаренной мне табакеркою. Перевертывала я ее в руках, сколько хотела, казала со сто раз старухе, слуге и служанке, и когда что говорила, то указывала всегда табакеркою и все примеры делала ею...» (Чулков, 1971, с. 45). Героиня кладет ее возле постели, когда засыпает, видит ее во сне. Постепенное пробуждение здравого смысла маркируется благодаря пословице (также содержащей предметные детали): «Кто нового не видал, тот и поношенному рад» (Чулков, 1971, с. 45). Описание табакерки (одно из немногочисленных детализированных представлений предметной детали в романе) появляется в самом конце фрагмента и знаменательно совпадает с разочарованием героини, которая, взглядевшись, начинает понимать, что табакерка не так уж хороша и красива: «Правду сказать, что табакерка была несколько пообита; но для меня казалась она нова, ибо я отроду таких вещей у себя не имела и иметь никогда не надеялась» (Чулков, 1971, с. 45).

Фрагмент, посвященный пребыванию Мартоны в тюрьме, также сопровождается предметными деталями, связанными с характеристикой состояния героини, как в его внешних обуславливающих обстоятельствах (вначале она сидит в пустой камере, питаясь хлебом и водой, вынуждена спать на голом полу, а затем офицеры-охранники, Ахаль и Свидаль, обеспечивают ей более комфортные условия: «Лежала я на полу, положив голову на камень...» (Чулков, 1971, с. 64); «Взяли меня из сего ада и посадили в изрядный покой, где изготовлена была для меня кровать, стол и стул...» (Чулков, 1971, с. 64). Состояние измученной Мартоны, вдруг получившей облегчение среди переживаемых бедствий, поясняется в повествовании с помощью предметной детали: увидев в камере настоящую кровать, она «легла на постель и... проспала с лишком половину суток» (Чулков, 1971, с. 64). Предметное и действенное пояснения в данном случае имеют очевидный психологический подтекст.

Эмоционально насыщенными предстают и предметные детали в описании комнаты в деревенском доме Ахалья, куда приезжает Мартона, надеясь остановить самоубийство своего бывшего возлюбленного. Это наиболее детализированное, выразительное и подробное описание исследователи связывали с культурным подтекстом книги и оценивали как своеобразную сатиру Чулкова на устройство масонских лож, символика которых действительно появляется в описании комнаты героя, избравшего добровольную смерть как расплату за якобы совершенное убийство: «Когда я вошла в комнату, то вид оной представился мне весьма странным; она обита была, как пол, так и стены и потолок, и, словом, всё черною фланелью, кровать стояла с таким же занавесом, на котором положена была белая высечка, стол покрыт также черным, а другой стоял впереди; на оном виден был крест, под которым лежал череп человеческой головы и две кости, а перед образом стояла лампада» (Чулков, 1971, с. 78). Подготавливая читателя к разворачиванию последующих мелодраматических событий, детальное описание в данном случае подводит повествование к тем художественным возможностям, которые впоследствии будут развиваться в классической прозе, – создавать зримый, эмоционально окрашенный образ, характеризующий как обстоятельства происходящего, так и внутреннее состояние героя, точка зрения которого на мир и фиксируется в предметных подробностях картины.

Заключение

Таким образом, произведенные исследования предметных деталей в романах М. Д. Чулкова и М. Комарова позволили прийти к следующим выводам.

Массовая литература второй трети XVIII в., представленная главным образом жанром романа, создавала особые, благоприятные условия для освоения литературой сферы предметности. Наиболее продуктивной в этом отношении оказалась модель плутовского романа, сюжетная схема «похождений», позволяющая глубоко погрузить героя в обстоятельства низкого быта. Требовавшие предметной конкретности в изображении мира, знакомого читателю, разнообразные предметные детали при этом раскрывали специфику картины мира героя, конкретизировавшей в рамках романной формы.

Типология этих обращений к предметному миру включает в себя различные способы представления вещей и предметов: обобщенное упоминание класса («вещи», «пожитки», «деньги»); предметы – маркеры изменения статуса героя (преимущественно одежда); предметы – детали в пословицах, связанные с установкой на уравнивание человека с вещью; наконец, предметы, выводящие от изображения внешних условий действия к передаче внутреннего состояния, чувств и переживаний героя. Отсутствующие в романе Комарова, они играют куда более значительную роль в произведении Чулкова, маркируя его более продуманную авторскую стратегию и таким образом оказываясь одним из первых в русской литературе примеров психологически насыщенной художественной детали, что впоследствии станет магистральным направлением в развитии предметности литературного изображения как в предреалистической, так и в сентименталистской художественной системах. Рассмотрение указанного направления видится перспективой дальнейшего исследования развития предметной сферы в русской художественной прозе XVIII столетия.

Материалы исследования | Research materials

1. Комаров М. Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, всей его жизни и странных походов // Комаров М. Ванька Каин. Милорд Георг. СПб.: Наука; Ладомир, 2019.
2. Чулков М. Д. Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины // Русская проза XVIII века. М.: Художественная литература, 1971.

Источники | References

1. Автухович Т. Е. Стратегии массовой литературы в русской низовой прозе 1760-1770-х годов // Культурология. 2017. № 4 (83).
2. Бахтин М. М. Роман воспитания и его значение в истории реализма. <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/bahtin-roman-ego-znachenie/postanovka-problemy-romana-vospitaniya.htm>
3. Дейкун И. Д. Метафигуральный комментарий аукториального нарратора в «Пересмешнике» М. Д. Чулкова // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2024. № 3. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2024-3-42-50>
4. Махмудова Н. А. Влияние плутовского романа на развитие жанра романа воспитания // Universum: Филология и искусствоведение. 2019. № 7 (64).
5. Николаев Н. И. Своеобразие этической позиции автора и героя в «Пригожей поварихе» М. Д. Чулкова // Вестник Северного (Арктического) Федерального университета. Серия гуманитарных и социальных наук. 2012. № 1.
6. Осьмухина О. Ю. Традиции авторской маски в русской прозе XVIII-XIX в. М.: ИНФРА-М, 2023.
7. Плюханова М. Б. Литературные и культурные традиции в формировании литературно-исторического персонажа (Ванька Каин) // Типология литературных взаимодействий. Тарту, 1983.
8. Подорога В. А. Вопрос о вещи. Опыты по аналитической антропологии. М.: Грюндриссе, 2016. <https://doi.org/10.15826/qv.2022.1.671>
9. Приказчикова Е. Е. Ванька Каин в культурном пространстве России: семиотика поведения // Quaestrio Rossica. 2022. Т. 10. № 1.
10. Рак В. Д. Две повести Матвея Комарова, «жителя города Москвы» // Комаров М. Ванька Каин. Милорд Георг. СПб.: Наука; Ладомир, 2019.
11. Топоров В. Н. Апология Плюшкина: вещь в антропоцентрической перспективе // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс. Культура, 1985.
12. Фокина О. Н. Специфика художественного повествования в романе М. Комарова «Жизнь Ваньки Каина» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2008. Т. 7. Вып. 2.
13. Чудаков А. П. Предметный мир литературы (к проблеме категорий исторической поэтики) // Историческая поэтика: итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986.
14. Штридтер Ю. Плутровский роман в России: к истории русского романа до Гоголя / пер. с нем. В. Брунцехового, Д. Бордюгова. М. – СПб.: АИРО-XXI; Алетейя, 2015.

Информация об авторах | Author information**Пучкова Анастасия Евгеньевна¹**¹ Государственный университет просвещения, г. Москва**Anastasia Evgenievna Puchkova¹**¹ State University of Education, Moscow¹ anastasiya.puchkova.97@mail.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 27.05.2025; опубликовано online (published online): 23.07.2025.

Ключевые слова (keywords): плутовский роман; массовая литература; предметная деталь; М. Д. Чулков; М. Комаров; picaresque novel; popular literature; object detail; M. D. Chulkov; M. Komarov.